

Крещение / рассказ

Category: Некаýалар, Китарсу

написано китарсу | 24 января, 2025

Крещение / рассказ КРЕЩЕНИЕ

Разведрота выехала из полка ночью. БМП с выключенными фарами покатили на север. Огни полка скоро исчезли, и беспредельная теплая весенняя ночь проглотила колонну.

Солдаты сидели на верху гусеничных машин и смотрели на тяжелые цепи созвездий. Костомыгин тоже глядел на сияющие цепи и думал, что рокот моторов слышен в самых дальних кишлаках на самом краю этой степи, если, конечно, у нее есть край...

Спустя полчаса низко над степью появилась тусклая луна. Луна медленно всходила, ночь светлела, и глазам открывались холмистые мохнатые черно-белые пространства.

Впереди забелели стены и башни. Колонна стремительно приближалась к кишлаку.

«Эй, не спите!» – сказал ротный, прижав ларингофоны к горлу, и все командиры БМП услышали его и по очереди отрапортовали: номер такой-то вас понял. Пушки развернулись влево и вправо, солдаты зашевелились и взялись за автоматы.

Колонна, не сбавляя скорости, промчалась сквозь кишлак, и ничего не случилось.

Костомыгин успел увидеть темные оконца башен, дома с плоскими крышами, густые сады за дувалами, ушастый силуэт осла возле сарая.

За кишлаком дорога – теперь она была отлично видна – пошла под уклон и внизу уткнулась в мерцающую реку. Все на той же скорости машины форсировали мелкую широкую реку и поехали дальше.

В кишлаке с цветущими садами Костомыгин наглотался душистого воздуха, и теперь во рту у него было сладко. Он подставлял лицо теплему ветру, ощущал тяжесть подсумка на боку, чувствовал, как туго зашнурованы полусапожки и как свободен и легок масккостюм, – и ему все это нравилось: эта луна, эта страшная степь, и цветочная сладость во рту, и удобная форма,

и оружие на груди, и этот бег могучих машин по нескончаемой черно-белой равнине под чужими яркими созвездиями.

Возле гряды низких холмов колонна остановилась. Солдаты соскакивали с машин, разминали ноги.

Рота построилась в колонну по двое и зашагала по дороге. Водители-механики остались в машинах.

Рота двигалась вдоль холмов. Все молчали и угрюмо поглядывали на макушки холмов, отчетливо проступавших на фоне звездного неба. Луна переплыла на западный край неба, стала бронзовой и светила уже не так ярко.

Костомыгин услышал, как шедший следом Опарин, как и он, зеленый «сынок», звякнул пряжкой ремня и открутил крышку фляжки. Тут же раздался глухой удар, и Опарин налетел на Костомыгина. Костомыгин обернулся. Опарин, вобрав голову в плечи, продолжал шагать, торопливо надевая фляжку на ремень. Позади него крупно вышагивал высокий, длинноногий сержант Шварев.

«Надо быть начеку», – подумал Костомыгин, отворачиваясь.

«Чижи», то есть ребята, отслужившие шесть месяцев, предупреждали «сынов», что они должны быть настороже и делать только то, что скажут; говорили, что все оплошности «сынов» на операции по возвращении в полк будут «разбираться» старослужащими, разведрота – это вам не артбатарея, и не хозвзвод, и не пехота, и всё должно быть «от и до», не хуже, чем у всяких там «беретов». За месяц службы в роте Костомыгин достаточно насмотрелся на дедовские суды, и на предстоящем «разборе» ему совсем не хотелось быть в числе обвиняемых. А Опарин вот уже и попал в это черное число. Надо ухо остро держать.

Луна скрылась, и степь снова стала черной, и звезды засветились ярче. Рота мерно шагала вдоль холмов.

Посвежело. В степи свистнула птица.

Впереди послышался топот.

– Бегом! – приказал громким шепотом Шварев, и Костомыгин побежал. «Опаздываем», – сообразил он.

Они долго бежали, потая и глотая пыль.

Костомыгин придерживал одной рукой автомат, другой – флягу. Но

подсумок с магазинами больно колотил по другому боку, и он отпустил автомат и начал придерживать подсумок. Автомат, ударяясь о грудь, причинял еще большую боль, и он снова схватился за него.

Они бежали так быстро и долго, что у Костомыгина в груди расхрипелось, и он поклялся не притрагиваться отныне к сигаретам, отныне и во веки веков.

Наконец они добежали до крайнего холма и увидели в степи силуэты башен, домов и дувалов. Ветер дул от кишлака, и Костомыгин уловил все тот же ласковый аромат цветения. Ветер подул сильнее, мощная цветочная волна окатила запыленных, тяжело дышащих людей в мокрой, терпко пахнущей одежде.

Под последним холмом была развилка: одна дорога, та, по которой они бежали, вела в кишлак, а другая уходила в степь. Два взвода во главе с лейтенантами ротный послал к кишлаку, остальные залегли на холме, укрывшись за валунами и направив стволы ручных пулеметов и автоматов на развилку.

Костомыгин тщательно прижимался к камням и чувствовал, как они влажны и как приятно холодят живот и грудь. Он сплевывал пыльную, вязкую слюну и думал: ну, теперь можно глотнуть из фляги или еще нет? Оглянулся по сторонам, осторожно расстегнул ремень, подтянул, не снимая с ремня, фляжку к груди, открутил крышку, пригнул голову, приложился вытянутыми губами к горлышку и насосал полный рот воды. Прополоскав рот, он проглотил воду, пожалев выплюнуть. Еще раз присосался к фляжке, а потом закрутил крышку, застегнул ремень, вытер губы и подумал: покурить бы.

В небе осталась одна звезда – Венера. Дорога посветлела, кишлак приблизился. Дорога была пуста. Все смотрели на нее, и Костомыгин смотрел, думая о том, что все это бессмысленно: никто здесь не появится, и никакой стрельбы не будет, – просто взойдет солнце, и они вернутся в полк. Это была его первая операция, и он не верил, что она будет настоящей, одной из тех, о которых так живописно рассказывали ротные ветераны.

Ему стало лень глядеть на дорогу, по которой никто не пойдет, он зевнул и прикрыл глаза, чтобы дать им отдых... Он проспал не дольше минуты и очнулся, вздрогнув. «Не расслабляйся», –

сказал он себе и снова принялся истово таращиться на дорогу. Рассвело, и в кишлачных садах защелкали соловьи, и петух несколько раз подряд покрыл картавой бранью их ласковые трели. А когда покраснел восток и покраснела степь на востоке, над кишлаком разнесся резкий призывный вопль. С Костомыгина вмиг слетела сонливость, он взялся за автомат и, вытянув шею, заглянул за камни. Вопль повторился, и у Костомыгина сжалось сердце: вот она, война!.. Но лежавшие рядом солдаты были спокойны. Он покосился на них, помялся и все же решил тихо спросить у «чижа» Медведева, что это там такое. Медведев хмыкнул и прошептал, что это ихний поп орет.

Взошло солнце. Степь зеленела до горизонта, в кишлаке кричали петухи, мычали коровы, ревел ишак, и небо было полно светозарной голубизны, – какая еще к черту война!..

Ротный встал, отряхнулся и сказал:

– Курите.

Солдаты поднимались, шумно зевали, переговаривались, чиркали спичками и затягивались сигаретным дымом, прикрывая глаза.

Ротный хмуро глядел на кишлак.

– Саныч, – сказал он радисту, – давай отзывай наших от кишлака и ямщикам передай – пусть гонят сюда телеги.

– Товарищ капитан, а может, караван уже прошел в кишлак? – предположил Шварев.

Капитан покачал головой.

– Нет. По расчетам, от гор сюда им идти как раз ночь. Пока не стемнеет, они никуда не могут тронуться, – значит, они отошли от гор вчера поздно вечером и к утру должны были подойти сюда.

– Нет, ну а вдруг?

– Ну, если у них верблюды реактивные, – нехотя откликнулся ротный.

Радист запрашивал взводы, залегшие в степи вокруг кишлака. Затем вызывал на связь водителей-механиков.

Ротный сел на камень, снял панаму, достал расческу и начал не спеша причесываться. Шварев слонялся вокруг него, поддавал ногой мелкие камни и печально посвистывал.

– Ну что ты ёрзаешь, Шварев? – недовольно окликнул его ротный.

– Товарищ капитан, а может, они как-нибудь умудрились

просочиться в кишлак?

– Ну а наши ребята там зря, что ли, полночи валялись? Если только, конечно, они там не дрыхли...

– А может, товарищ капитан, прошмонаем кишлачок? Вдруг он набит оружием и духами?

Капитан задумчиво продул расческу, аккуратно вложил ее в футляр и спрятал. Шварев выжидательно смотрел на него.

– Сколько у тебя там меток, Шварев? – устало спросил капитан.

– Каких меток?

– На прикладе, на прикладе, Шварев. Что я, не знаю, где вы метки ставите? Все знаю, Шварев. И когда-нибудь за порчу оружия три шкуры спущу.

– Разве это порча? Мы легонько. Маленькие царапинки, и все, – сказал с улыбкой стройный сероглазый Салихов.

– А ты зачем на прикладе метки ставишь?

Салихов покраснел и пожал плечами:

– Где же отмечать?

– Тебе? На пятках и кулаках.

Все засмеялись.

«У всех лица бурые, а у него – млечное. Что он, специально бережется от солнца?» – вдруг подумалось Костомыгину, глядевшему на удлинненное ласковое лицо Салихова.

Салихов был любимцем роты. У него был мелодичный голос, и на гитаре он играл отлично. Он никогда ни с кем не ругался, не трогал «сынов» и не кричал на них. Все свободное время он проводил на спортплощадке вместе с земляком из пехотной роты, – их тренировки собирали много зевак. Если же погода была скверная, лежал на кровати с книгой. В миру его ждала большеглазая, черноволосая девушка с таким же нежно-млечным лицом, как и у него; ее большая фотография хранилась в тумбочке, и ротные бабники иногда тайком вынимали ее и сладострастно рассматривали. Салихов очень часто получал от своей девушки пухлые конверты, и все завидовали ему. На шее у него висела кожаная ладанка с прядью ее волос, – и все завидовали Салихову. Костомыгину хотелось сойтись с ним поближе. Он отводил душу в письмах старшему брату, но что письма? Совсем другое дело – живой разговор с умным

собеседником. Он думал, что Салихов тоже, наверное, измучился жить без родственной души, но стеснялся подойти к нему и завести речь о серьезных книгах и всем таком прочем. Он надеялся, что Салихов как-нибудь сам заговорит с ним. Но Салихов не заговаривал и вообще почти не замечал «сынов».

– Так сколько у тебя царапин на прикладе, Шварев? – спросил капитан, наблюдая за возвращающимися от кишлака взводами.

– Шесть.

– И все мало тебе?

– Мало.

– Ты настоящий Дракула, Шварев.

Все засмеялись.

– А что вы ржете? – с усмешкой спросил ротный. – Вы знаете, кто такой Дракула?

– Нет, – откликнулся кто-то.

– Ну так и нечего.

– А кто он такой, товарищ капитан? – угодливо спросил «чиж» Медведев. – Он что, тоже меточки ставил?

– Нет, – ответил капитан. – Он княжил в пятнадцатом веке и прибывал гвоздями шапки...

– К головам? – догадался Медведев.

Капитан кивнул, и все захохотали так, будто он бог весть как остроумно пошутил.

– Ну, я до этого еще не докатился, – с довольной улыбкой сказал Шварев. – Так что какой я Дракула?

– Да, – согласился капитан. – Разница есть. Он был не сержант, а князь.

Подъехали БМП. Солдаты разделились на экипажи, достали сухие пайки: консервированный свиной фарш, консервированный сыр, сахар и хлеб – и приступили к завтраку, рассевшись на земле вокруг машин. Шварев вмиг опустошил банку с фаршем, прикрывая глаза от удовольствия, съел нежный желтый сыр, похрумкал весь сахар, выдул полфляжки воды, замер, к чему-то прислушиваясь, и вздохнул:

– Только раздраконил.

– Да! – откликнулся водитель Мамедов. – У тебя там ба-а-льшой дракон! – Он ткнул пальцем в поджарый живот Шварева и

засмеялся. – Все хаваешь и хаваешь, а мяса нэ нарастишь никак. Тэбя дэвушки лубит нэ будут. Они упитанных лубят.

– Ну-у, – Шварев расправил плечи, – ну-у, Мамед, у вас, может, животами бабочек и удовлетворяют, а наших матрешек... им надо что-нибудь посущественней! – Он взглянул на Опарина и прикрикнул: – Что лыбишься! Жри быстрее, на операции все быстро нужно делать: жрать, с...

Опарин перестал улыбаться, запустил ложку в розовую мякоть и вдруг сказал:

– Товарищ сержант, хотите? Мне что-то не лезет, я вон лучше сырку пожую.

Костомыгин взглянул на Опарина и отвернулся.

Все-таки порядочная скотина этот Опарин. Старается во всем угождать «старикам», надеясь, что они благосклоннее к нему будут и перестанут каждую минуту оскорблять и угнетать. Он единственный из «сынов», кто стирает носки и одежду старослужащим. Остальные наотрез отказались и были биты жестоко, но зато теперь с этим никто к ним не пристаёт, а Опарин обстирывает всех «дедов» и поныне.

«Кто гнется, того и гнут», – предупреждал старший брат, и Костомыгин, послужив немного в армии, убедился, что это так. Только он прибавил бы теперь к сказанному братом вот что: но нужно всему знать меру. Вон Крылов, он не знал этого, его строптивости не было предела, он отказывался выполнять даже самые необходимые и мелкие поручения «дедов», и ему устроили «жизнь по уставу». Ни один человек в армии не живет по уставу; ежедневно и еженощно неукоснительно выполнять уставные требования и предписания – это выше человеческих сил, и ни рядовым, ни генералам, ни маршалам это не под силу, и самый brave вояка взвоят в первый же день «жизни по уставу». И Крылов не выдержал и написал домой мрачное и правдивое письмо. Родные отослали это письмо в Министерство обороны, и вскоре в полк прикатила гремящая «телега», начались расследования. Крылов призывал «сынов» рассказать всю правду, но никому не хотелось рассказывать правду; «сыны» трезво рассудили, что всех «стариков» в дисбат не упекут, наказать могут одного-двоих, а с остальными придется как-то сосуществовать, – и

Крылов оказался в одиночестве. В ходе расследования выяснилось, что его кантовали законно – по уставу, и дело прикрыли, а Крылова отправили служить в подсобное хозяйство – на свинарник. Костомыгин часто видел его возле столовых: грязный, небритый Крылов выносил баки с объедками и опрокидывал их, обливая жижей руки и сапоги, в железную столитровую бочку на колесах, – эту «двуколку» таскал белый трофейный ослик Дух.

Нет, всему нужно знать меру. Меры не знал Крылов, меры не знает Опарин, – даже если он и впрямь не хочет есть, мог бы предложить фарш кому-нибудь из своих, хотя бы и ему, Костомыгину. Да, вот два полюса: Опарин и Крылов, и нужно ни туда, ни сюда не скатиться. «Напишу брату, что он скажет на это?» – подумал Костомыгин.

– Слушай! – резко сказал Шварев. – А ежели, к примеру, зимой мне будет холодно, отдашь свою шинель? Знаешь, какие тут зимы? У-у!

– Э, да ты зимой будэш мамкины блыны хавать, – напомнил Мамедов.

– погоди, Мамед, – отмахнулся Шварев. – Ну, Опарыш, отдашь? Опарин испуганно поглядел на него.

– Отвечай.

– Если очень нужно будет... – пробормотал Опарин и умолк.

– А если бы у тебя баба тут была, уступил бы бабу?

– Ну, вы скажете, товарищ сержант, – застенчиво улыбнулся Опарин.

– Нет, но предположим. Отвечай.

Опарин растерянно заморгал.

– Отвэчай, чморына болотная, – процедил сквозь зубы Мамедов, улыбаясь глазами.

Опарин вздрогнул и сказал едва слышно:

– Это слишком...

– Что-о? – вскричал Шварев.

– Слишком фантастический пример, – добавил Опарин.

– А, жук! Тварь скользкая. Какой ты разведчик? Тебя нужно гнать вслед за Крыловым. Жри свой фарш. Не хочется ему. На операции надо жрать через силу.

– Как похаваешь, так и повоюешь, – вставил Мамедов.

– Ясно? – спросил Шварев. – Это уже вторая ошибка. Помнишь первую?

– Помню, – уныло ответил Опарин, принимаясь за фарш. Шварев закурил и взглянул рассеянно на Костомыгина.

– Костыль, а ты что отвернулся? Гордый, да?

– Просто смотрю на кишлак, – откликнулся Костомыгин.

– Нэ-э-т, – сказал Мамедов, – нэ просто. Он презирает Опарыша.

– Ты презираешь Опарыша? – спросил Шварев.

– Нет, – соврал Костомыгин.

– Ну, а то гляди, в два счета превратишься в Опарыша.

– Вообще-то сыны припухли, – заметил Мамедов, прихлебывая из фляжки. – Я вчэра потрэбовал цивильную сигарэту, а Костыль нэ принес.

– Серьезно? – Шварев, сощурившись, уставился на Костомыгина.

– Надо, надо подкрутит им гайки. Мы всё Опарыша воспитываем, а про остальных забыли.

– Так, – сказал Шварев. – Вернемся в полк, Костыль, и мы с Мамедом увидим пачку «Явы», Опарыш сосчитает до ста, и мы увидим пачку «Явы». Понял?

– Понял, – отозвался Костомыгин.

– Что?

– Так точно, – поправился Костомыгин.

– Эх! эх! прыпухли! – покачал головой Мамедов.

Позавтракав, все уселись на верху машин, и колонна тронулась в обратный путь.

Возле кишлака на берегу той реки, что так красиво мерцала под луной минувшей ночью, колонна нагнала старенькую желтую открытую «тойоту», набитую вооруженными людьми в разноцветных чалмах и просторных одеждах. Рядом с шофером сидел худощавый усач в форме офицера царандоя. Он вышел из машины и, улыбаясь, направился к БМП ротного.

– Мондана бощи хуб ести! – поприветствовал он ротного.

Ротный наклонился с машины и пожал его смуглую руку.

– Как дела, Акбар?

– Хуб, командир, – ответил офицер, выискивая среди солдат на БМП кого-то. Увидев таджика Кучечкарова, он махнул ему рукой:

– Ахат!

– Эй, Кучечкаров! – позвал ротный, обернувшись назад.

К ним подошел хрупкий чернявый солдат. Пожав руку афганскому офицеру и коснувшись три раза щекой его колючей щеки, Ахат начал переводить. Выяснилось: они едут в полк, чтобы сообщить о прибытии большого каравана с оружием в соседний кишлак Паджак. Ротный недоверчиво спросил: откуда они знают, что с оружием? Может быть, верблюды нагружены тряпками, съестным и всякой всячиной, может, это обычный караван бродячих торговцев? Офицер обиделся и ответил, что в Паджаке у него есть свои люди и у этих людей острый глаз и честные языки. Ротный спросил, когда караван появился в Паджаке. Офицер сказал, что на рассвете. Но, возможно, они уже смылись, предположил ротный, вы отправились к нам в полк, а они в это время и смылись. Куда же они днем пойдут, что, их бешеный шакал покусал, возразил офицер Акбар.

– Кто это? – спросил Костомыгин Шварева.

– А, из Спинди-Улии ребята, у них там отряд самообороны, – небрежно сказал Шварев. – Чуть что – к нам в полк, за подмогой бегут. Но угощать горазды. Мамед, помнишь шашлыки?

Мамедов закачал головой и сладко зацокал.

– Ну, кажется, будет дело, – сказал Шварев, и глаза его заблестели. – Эй, Костыль, Опарыш! Будет вам крещение! Чую, неспроста они в полк поперлись.

Усач уже терял терпение, горячился и размахивал руками, убеждая ротного, что его сведения не липа. Ротный и сам догадывался, что это так, – караван, который они поджидали, свернул в Паджак, вот и все, – но он все же дотошно расспросил Акбара обо всем: сколько верблюдов, сколько людей, не появлялись ли в Паджаке подозрительные типы в последнее время и так далее, и только после этого связался с полком и попросил соединить его с кэпом. Минут через десять кэп ответил.

Переговорив с кэпом, ротный махнул афганцам, его машина развернулась и поехала по дороге вдоль реки; за ней потянулась и вся колонна, афганцы на раздолбанной «тойоте» пристроились в

хвосте.

– Будет вам крещение, сынки! – крикнул Шварев, хлопая Костомыгина по плечу.

Опарин изобразил радость на лице и воинственно потрянул автоматом.

Колонна летела в солнечных клубах пыли над мелкой сверкающей рекой. Колонна ревела, выбрасывала черные дымы и грозно хрустела траками гусениц, и Костомыгин, замороженный и оглушенный грохотом и стремительным движением сквозь солнце, пыль и густой полынный аромат степи, думал, что напишет брату обалденное письмо, обалденное!

Эта ночь, этот запах цветущих садов, эта луна, эти холмы под звездами, соловьи, засада, вопли муэдзина на заре, разочарование, а потом эта встреча, и вот – солнце, пыль, лязг и копоть, и ожидание, и неизвестность: что там будет, в этом Паджаке? какой он, Паджак? как они будут захватывать караван? сколько там мятежников? какие они, мятежники? свирепые, бородатые... кто погибнет? а вдруг кто-то погибнет? Вон Опарин возьмет и погибнет, вот он сидит рядом, а через час погибнет... или он сам, Костомыгин, погибнет – успеет вспомнить всё и всех и умрет в пыли, палимый солнцем, его тело отправят домой, и будут над ним рыдать друзья и родные...

Он был уверен, что на этот раз все будет настоящим и он напишет брату про свой первый настоящий рейд, напишет, потому что он не погибнет и вообще никогда не умрет. Ну, впрочем, когда-нибудь, может, и умрет, но это будет черт знает когда, через уйму лет, через тысячу лет!

Паджак оказался небольшим кишлаком, мало чем отличающимся от других, увиденных нынче Костомыгиным: серые дувалы – высокие и низкие, серые башни – круглые и многогранные, серые дома – квадратные и прямоугольные коробки с узкими оконцами – и очень зеленые, очень дремучие сады. Паджак стоял на берегу реки. Вокруг простиралась уже чахнувшие, буроватые степи. А в Паджаке зеленели и благоухали сады. Как только колонна подъехала к кишлаку, Костомыгин ощутил душистый запах, и во рту у него снова стало сладко.

Он был уверен, что на этот раз все будет настоящим и он

напишет брату про свой первый настоящий рейд, напишет, потому что он не погибнет и вообще никогда не умрет. Ну, впрочем, когда-нибудь, может, и умрет, но это будет черт знает когда, через уйму лет, через тысячу лет!

Паджак оказался небольшим кишлаком, мало чем отличающимся от других, увиденных нынче Костомыгиным: серые дувалы – высокие и низкие, серые башни – круглые и многогранные, серые дома – квадратные и прямоугольные коробки с узкими оконцами – и очень зеленые, очень дремучие сады. Паджак стоял на берегу реки. Вокруг простирались уже чахнувшие, буроватые степи. А в Паджаке зеленели и благоухали сады. Как только колонна подъехала к кишлаку, Костомыгин ощутил душистый запах, и во рту у него снова стало сладко.

Солдаты облачились в бронезилеты, надели каски и попрятались за машины, опасаясь снайперов. Но кишлак выглядел вполне мирно: возле дувалов гуляли куры, старик прогнал по улице горбатую корову, там и сям то и дело показывались любопытные мальчишки, они вытягивали шеи и таращились на запыленные машины кафиров[1].

Солнце полыхало в голубом небе, и было очень жарко, чертовски жарко. Солдаты обливались потом, курили и поглядывали из-за машин на кишлак.

– Ну, сейчас мы накроём голубчиков, – сказал Шварев, затягиваясь сигаретой.

– Чего же мы ждем? – спросил Костомыгин.

– Ишь, нетерпеливый, – усмехнулся Шварев. – Дядя Витя знает, что делает. (Дядей Витей «деды» между собой называли ротного.)

– Уж ты не беспокойся, он знает свое дело.

Но прошло полчаса, и Шварев тоже начал нервничать и недоуменно поглядывать в сторону машины ротного.

– Мамед, – позвал он механика-водителя, – что это он, правда, волюнку тянет?

Мамедов пожал плечами:

– Черт его знает. Может, пэхоту кэп подкинет?

Шварев поморщился.

– Да сколько там этих караванщиков? Ну штук десять, ну, от силы – двадцать.

– А вдруг весь кишлак вооружится?

– Пока будем пехтуру ждать, духи все оружие закопают, попробуй потом докажи, что это тот самый караван, который мы всю ночь прождали. – Шварев сплюнул.

– Нэт, лучше подождать. С пэхотой веселее, – возразил Мамедов.

– Товарищ сержант, можно мне попить? – спросил Опарин.

– Можно Машку через ляжку! – рявкнул Шварев.

– Разрешите? – поправился Опарин.

– На операции воду нужно беречь, – сказал Шварев.

Опарин вздохнул и покосился на сияющую реку.

– Да что ты на реку смотришь! Из рек пьют только ослы и местные, их никакая хреновина не берет – им-му-ни-те-т. А ты желтуху сразу схватишь. Или тиф. Или еще какой-нибудь сифилис.

– Ясно, – сказал Опарин, облизывая сухим языком окаймленные черной запекшейся грязью губы.

Шварев вдруг замер, прислушиваясь.

– Что? – спросил Мамедов.

– Кажется, едут, – откликнулся Шварев.

Теперь и остальные услышали далекий гул и, повернув головы, начали глядеть на дорогу. Вскоре они увидели над степью пыльные хвосты.

Костомыгин нащупал планку предохранителя и сдвинул ее вниз до упора.

К кишлаку подъехали пехотная рота и четыре танка. Спустя десять минут операция началась.

Ахат Кучечкаров поднес к лицу мегафон и проорал кишлаку несколько отрывистых фраз, выдержал паузу и опять покричал.

Сдаться предлагает, понял Костомыгин.

Прошло несколько минут, но никто не появился, не вышел.

Костомыгин удивленно глядел на кишлак и не мог понять, когда это хозяева умудрились очистить улицы от кур, ослов и мальчишек, – кишлак был пуст и нем.

Ахат вопросительно взглянул на ротного. Ротный сказал: «Хватит». И Ахат сунул мегафон в люк.

Несколько БТРов и БМП медленно двинулись на кишлак, солдаты в касках и бронезилетах с автоматами наперевес пошли за машинами. Они вошли в кишлак с одной стороны (чтобы не

перестрелять друг друга, догадался Костомыгин) и рассыпались по улочкам. Кишлак молчал.

Кто-то застучал прикладом в двери. Костомыгин вздрогнул, услышав резкий стук по дереву.

– А мы сюда, – сказал Шварев, сворачивая к обнесенному низким дувалом дому. Он ударил ногой в крепкие ворота, и немного погодя ворота растворились, и на улицу вышел старый костлявый человек с клюкой. У него было сморщенное лицо, желтые руки, покрытые прозрачной шелухой, и равнодушные глаза.

– Нис, нис душман, – проскрипел он.

Шварев молча отстранил его и прошел во двор.

– Медведь! На входе! – бросил он Медведеву и побежал к дому. Опарин, Костомыгин, Салихов и несколько пехотинцев кинулись за ним.

Они обрыскали двухэтажный дом, но никого, кроме кучки женщин в чадрах и детей, набившихся в крошечную, самую дальнюю комнату, и ничего, кроме тряпок, посуды и съестных припасов, не обнаружили. Кто-то из пехотинцев предложил задрать бабам чадры, – вдруг это не бабы? Но Салихов запротестовал, а Салихова весь полк знал в лицо, и все видели не раз, какие штучки он выкидывает вдвоем с земляком на спортплощадке, и никто не посмел его послушаться. Они вышли во двор.

– Сараи проверим, – сказал Шварев, и все пошли было к сараям, но тут вдруг щелкнул выстрел, у ворот вскрикнули, и они метнулись к выходу.

Возле ворот сидел и крякал Медведев.

В кишлаке поднялась стрельба: солдаты поливали очередями окна, сады и крыши; застучал пулемет, разорвалась граната.

Подкатила БМП, и Медведева потащили к машине. Костомыгин тупо глядел, как Медведева подняли вверх и опустили в люк... Он ощутил ногами, что по земле пробежала дрожь, и удивленно посмотрел под ноги. Рядом взвились пыльные султанчики, и Костомыгин откинулся спиной на дувал.

– Сюда! – заорал Шварев, и Костомыгин, опомнившись, вбежал в ворота. От ворот полетели щепки, Костомыгин схватился за лицо и замотал головой.

– Что? Что? – кричал Шварев, отрывая его руки от лица. –

Что? – Он нагнулся и заглянул в его лицо. – А! Ерунда! Щепки!

Костомыгин протер глаза, проморгался и оглянулся.

– Что делать? – спросил он у Шварева.

– Бей очередями по тому дому! – Шварев ткнул пальцем в сторону соседнего дома и дал по его окнам очередь.

И Костомыгин, прячась за дувалом, начал выпускать длинные очереди по соседнему дому.

– Болван! – крикнул Шварев. – Береги патроны!

Было жарко. На зубах скрипела пыль. Хотелось сбросить горячую тяжелую каску и громоздкий бронежилет. Костомыгин выпускал короткую очередь, выжидал и снова высовывался из-за дувала и посылал несколько пуль в окна высокого и огромного дома, но никак не мог застичь врасплох пулеметчика. Пулеметчик давал очередь из окна и прятался, переходил к другому окну и бил оттуда.

В кишлаке шла стрельба. То и дело рвались гранаты. В воздухе висела пыль, и сильно пахло порохом. Взрывались скорострельные пушки БМП, глухо и крупно стучали пулеметы. Пороховая вонь смешалась с запахом цветущих деревьев, и Костомыгина тошнило. Чертовски надоело привставать и стрелять, и снова пригибаться, и снова вставать, нажимать на курок и опять прятаться за дувалом. И такая жара, и так воняет порохом и цветами, и в ушах звенит, в горле пересохло, пулеметчик все лупит и лупит, и нет и не будет этому конца, а Медведев, наверно, все еще скулит и выгибается в душной машине, и нет и не будет этому конца... Из какого окна он сейчас будет бить? А где Опарин?

В кишлаке шла стрельба. То и дело рвались гранаты. В воздухе висела пыль, и сильно пахло порохом. Взрывались скорострельные пушки БМП, глухо и крупно стучали пулеметы. Пороховая вонь смешалась с запахом цветущих деревьев, и Костомыгина тошнило. Чертовски надоело привставать и стрелять, и снова пригибаться, и снова вставать, нажимать на курок и опять прятаться за дувалом. И такая жара, и так воняет порохом и цветами, и в ушах звенит, в горле пересохло, пулеметчик все лупит и лупит, и нет и не будет этому конца, а Медведев, наверно, все еще скулит и выгибается в душной машине, и нет и не будет этому конца... Из какого окна он сейчас будет бить? А где Опарин?

Костомыгин обернулся и увидел слева от себя мокрую, красную рожу с выпученными глазами. Костомыгина затошнило еще сильнее. Он хотел заставить Опарина стрелять, а не стоять столбом перед дувалом с вобранной в плечи головой и опущенным автоматом, но вдруг сообразил, что пулеметчик уже не стреляет. Он осторожно выглянул и обшарил глазами пустые черные окна. Поднял голову еще выше и увидел, как из дверей дома во двор вышел широкоплечий мужчина с поднятыми руками, за ним сгорбившийся парень, а позади этих двоих шли Салихов и пехотинец.

– Они их взяли! – потрясенно закричал Костомыгин Швареву.

– Опарыш! Костыль! – крикнул Шварев на бегу, и Костомыгин с Опариним побежали за ним.

Они выбежали на улицу, достигли ворот соседнего дома и ворвались в тесный дворик.

Шварев молча подлетел к горбоносому, сухопарому, плечистому мужчине в разорванной длиннополой голубой рубахе и ударил его в подбородок прикладом. Горбоносый запрокинул голову, но устоял на ногах. Большеглазый парень, стоявший чуть позади мужчины, съежился и вскрикнул, как будто это его ударили с разбегу прикладом. Мужчина выпрямился. Из рта у него плыла кровь.

– Какая ж сука Медведева подстрелила? – крикнул Шварев.

Мужчина смотрел на него исподлобья, и на его заросших черной щетиной щеках бугрились желваки. Парень стащил с головы грязную чалму и закрыл ею лицо.

– Ну что? – спросил Салихов.

– Они Медведя подстрелили, – сказал Шварев, оглядываясь.

Салихов кивнул.

– Так, – сказал Шварев, утирая потное лицо рукавом. – Все. Мурд, ребята, мурд. Все, хана, – сказал он пленным, и плечи парня задрожали, а у мужчины сузились глаза.

– Так, – пробормотал Шварев, – так... – Он оглянулся еще раз, встретился взглядом с глазами Опарина и повторил: – Так.

– Тогда давай быстрее, – пробасил пехотинец, – пока офицеры не видели их. – Он подошел к парню и направил дуло автомата в чалму, которой тот все еще прикрывал лицо.

– погоди, – остановил его Шварев. Он опять обернулся и

посмотрел на Костомыгина и Опарина. – Погоди... Костыль! Бьешь по мужику. Опарыш! Вот этого кончишь.

– Молодые? Ну-ну, – одобрительно проговорил пехотинец, отступая в сторону.

Костомыгин почувствовал, как у него замерзает затылок. Противно, когда в такую жару так сильно мерзнет что-нибудь. У него застучали зубы. Он сжал зубы и посмотрел на Шварева: что он говорит? кому это он?

– Ну! – крикнул Шварев.

Солнце висело низко над степью, и край степи под солнцем, и узкая полоса неба над солнцем были рдяные. Раскаленный горький воздух медленно остывал. Длинная колонна змеилась по вечерней степи, и над нею качались серые флаги пыли. Колонна возвращалась в полк. На верху машин, устало опустив плечи, сидели солдаты. Пленные со связанными руками находились внутри машин.

Пыль лезла в глаза и глотки, но солдаты не спускались внутрь: наедет машина на мину, и находящиеся внутри просто размажутся по стенкам, а сидящие наверху всего лишь слетят на землю. Эту простую истину знали все, воевавшие в Афганистане. Знали об этом и пленные караванщики. Они потели внутри машин, вздрагивали, когда машина подлетала на ухабе или ударялась брюхом о камень, и молились аллаху, чтобы он убрал с пути все мины. А может, молились, чтобы всех: и ненавистных кафилов, и их самих – разорвал к чертовой матери мощный фугас. Да, если машина нарывалась на фугас, то редко кто оставался в живых: десятитонные машины опрокидывались, как пустые жестянки, и сидящие наверху превращались в лепешки.

Колонна везла в полк одиннадцать пленных и уйму трофеев: итальянские мины, крупнокалиберные пулеметы, гранатометы, ящики с патронами и гранатами, солидный груз медикаментов – американских и западногерманских.

Пехотные офицеры были довольны операцией и знали, что кэп тоже будет очень доволен. Командир разведроты был хмур и зол: по дороге в полк скончался Медведев – пуля порвала ему кишки, – а командир первого взвода, лейтенант, был серьезно ранен в голову. Не удалось на этот раз чисто сработать...

Костомыгин, один из всего экипажа, лежал внутри БМП на ящиках со снарядами. Он курил сигарету за сигаретой, и ему было наплевать, рванет мина под его машиной или не рванет.

«Мне все равно», – злобно думал он.

Ему на самом деле было это безразлично, подорвется или не подорвется машина. Он думал об Опарине, и о Салихове, и о том горбоносом мужчине с окровавленными губами. Он хотел не думать обо всем этом, хотел как-нибудь заснуть, заснуть таким сном, чтобы проснуться через тысячу лет и ничего не помнить. Но не думать и не помнить не получалось. И он думал и помнил.

Он отлично помнил все, хотя во время боя ему казалось, что это не он, и все было призрачным и смутным. Но теперь это было отчетливым и походило на замедленные кадры фильма.

Он прекрасно помнил всё, все звуки, голоса, движения. Помнил, как землю под ним пробрала дрожь, как хрустнуло дерево ворот и щепки ударили в лицо, как они бегали по сумеречным комнатам дома, как кто-то из пехоты предложил проверить женщин под чадрами, может, у них усатые морды? И то, как он устал стрелять по окнам соседнего дома, а потом увидел во дворе горбоносого мужчину с поднятыми руками, и парня, и Салихова, и пехотинца... Все-таки интересно, как им удалось повернуть это дело? Интересно?... Какая теперь разница!.. Плевать.

Он вlepил короткую очередь в широкую грудь горбоносого, и тот упал, повыгибался на земле, выдувая носом алые пузыри, и замер.

...Но Медведев же умер по дороге в полк! Ведь он умер? Так и нечего...

А Опарин? Кто бы мог подумать. Ну кто бы мог подумать?..

Костомыгин думал об Опарине. Он ненавидел Опарина. Вспоминал, как, оглянувшись, увидел его потное, красное, трусливое лицо с выпученными глазами, и стонал от отвращения и ненависти.

«Он это из трусости не сделал. Он трус. Он трус», – повторял Костомыгин, но легче от этого не становилось.

Опарин не выстрелил. Шварев грозил ему, кричал на него, но Опарин не выстрелил. Что ему стоило нажать на курок, ну что ему стоило? Он обливался слезами и просил отпустить его. Отпустить? Куда? Домой к мамаше? Он совсем чокнулся, он

истекал слезами и просил, чтобы его отпустили... Боже, что с ним будет в полку!

«Какая мне разница, что будет с этим слизняком! К черту его. Он трус, обыкновенный трус, и нечего о нем думать. Вот Салихов...» – думал Костомыгин, затягиваясь сигаретой. Он накурился уже до тошноты и едва сдерживался, чтобы не стравить, но доставал из пачки новую сигарету и прикуривал. «Вот Салихов... Неужели там был еще и Салихов?» – спрашивал себя Костомыгин, морщась.

Но в тесном дворике был и Салихов. Это же он вместе с пехотинцем захватил мятежников, долбивших из пулемета. Да, там был и Салихов. И когда Салихов понял, что Опарин не будет стрелять, что Опарин скорее сам застрелится, чем будет стрелять, когда он это понял, он подошел к парню, который все не отнимал от лица свою растрепанную грязную чалму, и убил его рукой. Он убил его пустой рукой, и это никого не удивило. Он это так быстро сделал, что можно было подумать, будто парень умер своей смертью, – вдруг остановилось сердце, и он замертво упал.

Костомыгина трясло на ящиках со снарядами, он затягивался сигаретой, и ему не хотелось умирать черт знает когда, через тысячу лет. Ему хотелось, чтобы сердце остановилось сейчас. Но оно не останавливалось.

Олег ЕРМАКОВ «Зимой в Афганистане» / рассказы. Некаýalar